

Елена Албул

Запах кофе

Рассказ

Повезло вчера, что в купе кроме нее оказались только мужчины. Женщины бы сразу начали общий разговор, завалили бы стол припасами, курица традиционная появилась бы... Но повезло. Отгородилась молчанием, и никто ее не беспокоил. Один дядька как вечером залег спать на верхней полке, так до сих пор и не вставал, а через полчаса прибываем уже; двое других — пролетарского вида пенсионер и аккуратный юноша, видно, студент, — хотя и продолжали начатый вчера разговор, но делали это тихо, стараясь не мешать сидящей у окна неулыбчивой попутчице.

Говорил, в основном, пенсионер.

— ...А потому что разбаловались все, без твердой руки нельзя. Давно пора бездельникам хвосты-то поприщемить. Видишь, как тут у товарища Андропова сказано, — он зашуршал лежащей на столе «Правдой». — Вот: «Решительнее повести борьбу с нарушителями партийной, государственной и трудовой дисциплины».

Парень тоскливо покивал — филиппику против нарушения дисциплины он слышал еще вчера. Но деда безразличие собеседника не обескуражило, и он со вкусом повторил:

— Решительнее! Вот ты слышал, что теперь днем в кинотеатре документы у людей проверяют? И правильно — потому что почему не на работе?

— Я учусь, — мрачно сказал парень, видимо, подозревая, что вопрос не вполне риторический.

Ираида встала и вышла в коридор, с сочувствием поглядев на студента.

Почему, интересно, в детских книжках колеса поезда стучат «чук-чук, чук-чук»? Ведь не похоже совершенно. Она прислушалась: «то тут, то там, то тут, то там». Вот так правильно и вполне по-железнодорожному — сегодня тут, завтра там... Каково это — жить на колесах под бесконечное «то тут, то там»? Спать на узкой жесткой полке? Сама-то она не заснула ни на минуту.

Голоса за дверью купе забубнили громче — дед, видно, почувствовал себя свободнее без женского присутствия. «Раньше с такими-то не рассусоливали», — услышала Ираида его голос и, поморщившись, отошла подальше.

Поезд начал притормаживать. Ираида вгляделась в ликующее майское утро, потом прислушалась к себе — главным чувством было раздражение, и это раздражало еще больше. Не то это настроение, с которым едут к умирающему отцу.

Отца она не любила.

Елена Албул — поэт, прозаик, музыкант. Родилась и живет в Москве. Окончила ГМУ им.Гнесиных по специальности «скрипка». Печаталась в журнале «Октябрь».

В «Дружбе народов» впервые выступает как прозаик.

За окном потянулись пакгаузы, склады, старые вагоны, просто мусор — вся та непарадная часть, с которой начинается встреча с любым городом, если въезжаешь в него на поезде. Пассажиры засуетились. Ираида вошла в купе.

Похоже, разговор по поводу выступления нового Генсека закончился естественным образом — трое попутчиков, включая и проснувшегося, наконец, обитателя верхней полки, сворачивали матрасы. Ираида подхватила свою небольшую сумку, перекинула через руку плащ и пошла к тамбуру.

— А постель-то! — кинулся за ней дед.

Она обернулась.

— Уборка постелей входит в обязанности проводника.

Сонными утренними улицами ехала Ираида по городу, который после страшного военного Ленинграда стал ей родным. Когда в конце сороковых отца отправили служить в Германию, он выписал в заштатный Вюнсдорф всю семью, но город терпеливо ждал их возвращения и принял снова все в том же доме, выходящем фасадом на центральную площадь. Здесь прошла ее юность. Отсюда она уехала, чтобы больше не приезжать, ну разве что по каким-то исключительным поводам. Вон он, их дом, желто-белый, нарядный. Импозантный даже. Что она там увидит?

После смерти матери отец стал пить, — она знала это от сестры. Личная жизнь у сестры протекала так бурно и по такому прихотливому руслу, что прибиться к какому-нибудь берегу у нее не вышло, поэтому она так и живет в родительском доме. Ираида регулярно звонила, но все чаще попадала на соседку Клаву — та после смерти матери взялась шефствовать над осколком когда-то известнейшей в городе фамилии. Клава-то и позвонила вчера утром — приезжайте проститься.

По широкой лестнице Ираида поднялась на второй этаж. Генеральский, с гордостью говорила когда-то мать. До генерала отец, правда, не поднялся, остановился на подполковнике, но это все равно. Абы кого сюда не селили.

Вот и знакомая дверь, высокая, филёнчатая. Рука замерла на полпути к звонку. Наверное, лучше стучать.

Она постучала.

— ...И не сомневайтесь, Ираида Андреевна, он под полным присмотром, я и уберу, я и приготовлю, — суетилась Клава, низенькая, плотная, с таким же низеньким и плотным седым пучком на голове.

Ираида привычно напряглась, услышав свое имя. Она его с детства терпеть не могла и всегда представлялась Ириной. Смешно вспомнить, что когда-то, в университете, это имя привело в восторг преподавателя логики.

— Так вы не Ирина, вы Ираида! — с энтузиазмом воскликнул он, взяв в руки ее зачетку. — У вас редкое, замечательное имя! Вы знаете, что оно означает? Дочь героя!.. Говорите, отец назвал? Он знает греческий? Просто так такие имена не даются. Хотя в святцах оно, конечно, есть, но кто ж по святцам сейчас называет...

Ага, греческий. Еще латынь и французский, как же... Сирота крестьянский: детдом, Военная Академия связи — и офицером на фронт. Всю жизнь в армии, а потом на радиозаводе, как в отставку вышел. Вот русский он отлично знает, особенно матерную его разновидность. Дома, правда, ни слова из этой разновидности себе не позволял, заменял щадящими вариантами, но на заводе вовсю пользовался. Она сама год простояла в цеху серебрильщицей, отец заставил — пусть, мол, после школы поработает сначала руками, чтобы нос не задирался, а потом уж в университет поступает, так что Ираида знала отцовскую манеру хорошо. Знала, правда, и то, что все начальство на отца чуть не молилось: дисциплина у него на участке железная, никогда никаких сбоев, чтобы случаи пьянства какие, так этого и в помине нет — боевой офицер, как рявкнет... Но рявкал он редко, ему по большей части достаточно было взглянуть исподлобья, и у проштрафившегося работяги навсегда пропадала охота

что бы то ни было нарушать. Женщины в их цеху смотрели на отца с большим почтением — уважали силу.

А Ираида не уважала.

Да уж, «дочь героя». С чего это герой Андрей Тимофеевич решил так выпендриться? Младшую дочь так вообще назвал Риммой, и тут как ни старайся, не переделаешь. Но сестра как-то терпела. Или ей это было безразлично. Она вообще ко многому относилась легко, даже на пианино учиться была не против. Ираида хорошо помнила эти уроки в Вюнсдорфе: маленькая испуганная немка осторожно касалась рук дочерей солдата-победителя, поправляя постановку. Фройляйн занималась с ними одновременно, на отдельные уроки денег не хватало. Да пусть бы все время уходило на Римку: Ираиде это пианино было поперек горла, ей бы в бассейн или на волейбол, да разве с отцом поспоришь? Как-то она сказала, что не будет играть Бетховена, потому что он же немецкий композитор, и тут же получила затрещину и еще несколько бетховенских пьес в репертуар. Вот и поспорь... Он проверял: подходил к двери, смотрел немигающим взглядом, так что у Ираиды дрожали пальцы и она сбивалась. А Римка ничего, бойко тыкала в клавиши, пусть и мимо нот, зато с улыбкой. Все ей было нипочем, знала, что любимица.

Ираида не завидовала сестре. Но всегда чувствовала сестрино особое положение. В блокаду их еле успели вывезти, мать до последнего сопротивлялась, не хотела расставаться с отцом, хотя тот из Главного штаба уже почти не выходил — связисты работали без отдыха. И как оно так получилось, теперь не узнать, но маленькую Римку в суматохе эвакуации потеряли, и мать чуть не сошла с ума. Отцу сообщили только после Победы, он организовал поиски, всех поставил на уши... Ираида уже совсем не помнила сестру, ей самой было тогда всего восемь, как вдруг появилась незнакомая девочка, в которой ей велели признать Римку. Девочка стояла насупившись и прижимала к животу облезлого уродливого зайца. Видно было, что она никого не узнает. А это Ирочка, ты помнишь Ирочку, всхлипывала мать и с отчаянной надеждой оглядывалась на старшую дочку. Но и старшая стояла с поджатыми губами, неприязненно глядя на зайца. Отец успокаивал: ничего, привыкнут, подружатся. А ведь к нему самому тоже надо было привыкать: этого хмурого военного дядьку Ирочка совсем не знала. Поэтому она была не против, что чудом нашедшаяся девочка надолго стала центром семьи Герасимовых. Потом, конечно, и привыкли, и подружились... Вот только все, что Ираида ни делала, должно было теперь у нее выходить на пятерку, другого результата отец не признавал. А лучше на шестерку. Потому что старшая и потому что не пропадала.

К младшей с такой меркой не подходили.

— Спасибо, Клава. Нет, у меня никакого чемодана нет... А Римма где?

Клава, не отвечая, тянула ее через темную прихожую в кухню. Ираида покосилась на закрытую белую дверь, за которой, она знала, лежит отец, но позволила себя увлечь. Да, оттягиваю, призналась она себе. Сейчас. Кофе только выпью.

— ...По-соседски, ведь столько лет вместе! И с матушкой вашей, Царствие ей Небесное... Такая хозяйка была, так Андрея Тимофеича обихаживала! Как сестрица-то ваша... ну, болеть стала, так я каждый день тут. Она, не в упрек будь сказано, все тут запустила, конечно...

— Пьет? — Ираида перевела разговор в плоскость другой терминологии.

— Случается... — Клава прямо смешалась от такой вопиющей неделикатности. Но тут же встала на защиту нелегкой женской доли: — От несчастной судьбы это. Ведь такие испытания у нее всю жизнь!..

Испытания Римкиной взрослой жизни заключались в череде роковых влюбленностей, каждый раз кончавшихся абортom, и периодических запоях, которые кончались так же предсказуемо — потерей работы.

— Где сейчас она?

— Да кто ж знает... Неделю уже не приходит. Но вы, Ираида Андреевна, не волнуйтесь, я рядом, я и уберу, и обихожу, это ж по-соседски, это ж не за деньги кого нанимать...

Она начала причитания по второму кругу. Ираида достала кошелек.

— Нет, нет! — заплескала руками Клава, но Ираида поймала летящую руку и вложила в нее бумажку.

— Спасибо за помощь вашу. Всем бы таких соседей.

Клава еще раз взмахнула рукой, разглядела купюру и тут же схватилась за лежащую на мойке тряпку.

— Я сейчас тут все быстренько... Не успела я с утра... Пол протру вот...

Ираида крепко взяла ее за плечи.

— Не надо ничего. Отцу сейчас все равно, когда тут пол мыли. Спасибо, что не оставили его, что рядом были. Это главное. Это важнее.

Клава снизу вверх завороченно смотрела в глаза подполковничьей дочери.

— Да я что ж... Я по-соседски...

Ираида осторожно отпустила ее плечи и вынула склизкую тряпку из безвольной руки.

— Вы идите, отдыхайте, ведь устали. Я тут сама. Если хотите, попозже заходите.

Она обвела глазами кухню.

— Чем вы папу кормите?

Клава посмотрела странным взглядом — дочь явно недопонимала ситуацию.

— Да он уж и не ест почти. Нелли Иосифовна сказала, что из одного упрямяства живет.

— Почему вы раньше не позвонили?

— Так что беспокоить-то... При должности вы, я ведь знаю. И он не велел. Злился на всех, Нелли Иосифовну прогнал, так неудобно было, ведь она доктор-то золотой, такая душевная, знаете, но ничего, не обиделась, а я ей конфеты, у меня всегда приготовлено... Потом присмирел он, успокоился, забываться стал. А вчера утром слышу — вас зовет. Я сразу позвонила, сразу. Вечером все спрашивал, приехали вы, нет... А сейчас дремлет.

Клава покосилась на тряпку, но взять ее не рискнула, открыла дверцу шкафчика.

— Вот, манка тут, попробуйте ему... Только не будет. Вот, попить может немного. Там морс, у постели. Лед еще, говорят, хорошо сосать. Лед я заморозила, если что.

— Ясно. Спасибо.

У двери Клава обернулась.

— А то еще посижу? Отдохнули бы с дороги. У меня дел-то никаких...

— Нет-нет. Вы попозже заходите, я закрывать не буду.

Ираида вернулась в кухню. Кофе, кофе, срочно. Где-то тут должна быть джезва.

Она открыла буфет, погромела посудой. Джезва нашлась в самом дальнем углу. Кофе в доме явно не варили. Да при нынешнем дефиците его и достать было непросто, даже и в Москве. Сама она без кофе существовать не могла, как слышала, что где-то выбросили в продажу, так мчалась покупать, невзирая ни на какие очереди, и брала, сколько давали в руки, — пусть полежит, запас карман не тянет. Поэтому дома кофе не переводился. Она усмехнулась: забавно, что эту страсть к кофе привил ей отец. Школьницей, в Германии, она впервые услышала этот запах и увидела, как отец священнодействует с черными, маслянистыми зернами — мелет в ручной мельнице, варит в странном ковшике с длинной деревянной ручкой и разливает пахучую жидкость по чашкам из голубоватого фарфора. Сервиз этот они привезли с собой, и он стоял в серванте, в той самой комнате, высокая белая дверь которой сейчас закрыта. Закрыта.

Она высыпала в кипящую воду предусмотрительно намолотый дома кофе, и по кухне поплыл густой бодрящий запах.

Ну все, хватит тянуть.

С большой шерботой кружкой в руке Ираида вошла в комнату, где лежал отец.

Господи, окно тут вообще открывали хоть раз? И не понять, что чувствовалось резче: нечистота белья, сладкая вонь какой-то пролитой микстуры или намертво въевшийся в обои и шторы табачный дым — отец, видно, курил до тех пор, пока мог держать папиросу. Свежесваренный кофе, конечно, перекрывал этот коктейль, но все же... Мельком взглянув на лежащую на кровати фигуру, Ираида подошла к окну, распахнула форточку, и голоса просыпающегося города вплыли в душную комнату вместе с тополиным пухом. Сейчас выскочит... Она села на старый венский стул у постели, сделала глоток и, наконец, посмотрела на умирающего.

На одном упрямстве живет, сказала врач. Да уж. Чего-чего, а упрямства ему не занимать. Всегда был упрямым и негибачимым. Или волевым и принципиальным? Вот и выбирай, как назвать. Она не видела отца пять лет, и прошедшие годы сильно исказили это сухое, жесткое лицо.

При матери отец тоже был не дурак выпить, но только по выходным и со строгим ограничением дозы. Это называлось «взять маленькую». Видно, «маленькая» за эти годы подросла, а выходные плавно переползли на будни. Чеканные черты бывшего командира поплыли, всегда сжатый рот скривился, кожа пожелтела. А ведь совсем не старый еще, всего-то чуть за семьдесят, отстраненно подумала Ираида. Раньше, когда она смотрела на отца, он представлялся ей боксером на ринге, настроженным, готовым немедленно ответить на удар. Казалось, он никогда не расслабляется. Теперь боксер был в глубоком нокауте, но, странное дело, — исходящее от него чувство настроженности не ушло.

Она посмотрела на графин с морсом и стоящую рядом детскую поилку. Налить? И что — разбудить? Или подождать еще...

Ноздри умирающего шевельнулись, и она немедленно протянула руку к графину. «Кофе», — раздался почти неслышный выдох. Уверенная, что ослышалась, Ираида наклонилась над постелью.

— Папа!

— Кофе...

Кофе. Он сказал «кофе», точно. А можно кофе в таком состоянии?..

Да какая разница, пришла вдруг в голову мысль. Сейчас можно все. Она отлила немного из своей кружки в поилку, приложила к его губам.

— Кофе, папа. Пей.

Кадык на морщинистой шее шевельнулся. Еще раз. И еще раз. Ираида осторожно отняла поилку от лица. Отец приоткрыл глаза.

— Приехала?

Да, немного осталось от командирского рыка. Ничего, почитай, не осталось. А бывало — стекла в серванте дрожали.

И злодейка-память тут же подсунула этот дребезжащий звук — как эхо другого звука, страшного, который она никогда не забывала, но старалась не вспоминать.

Тогда тоже был май. Не просто май, а Первое мая 1958 года, и, значит, демонстрация, а потом народные гулянья дотемна. Летний сад был переполнен, играл духовой оркестр, деревья стояли в кружевных облаках нарождающейся листвы, и кое-где уже зацвели отдельные храбрые вишни.

На демонстрацию пошли всей семьей, как обычно. Отец в парадной форме со звенящими наградами, мама в легком пальто, называемом «пыльник», и в шитом в Германии панбархатном платье — она их там нашла штук пять из трофейных тканей нездешней красоты и страшно берегла, надевая только по серьезным поводам. И дочери рядом: старшая, медалистка Ира — косы, скромная юбка, блузочка, теплая жакетка; младшая, семиклассница Римма с ангельской улыбкой — тоже в юбке и

веселой вязаной матроске, а глаза по сторонам так и стреляют, ищут веселых матросов, то есть десантников: матросов в городе не было за неимением моря, а вот воздушно-десантное училище было. Она тогда уже и покуривала, но ничуть не теряла ангельскости. Все ей сходило с рук.

Герасимовы идут, уважительно говорили встречные. Образцовая семья. Рабочие в колонне радиозавода рядом с Андреем Тимофеевичем в кителе и галифе невольно подтягивались, а их жены приветливо улыбались скромному пыльнику Людмилы Ивановны. Ценили, что жена начальника цеха не задается и не выставляет напоказ свои наряды.

После демонстрации отец с матерью пошли домой, Римка куда-то сбежала, а Ира поехала к подруге Кате: этого дня она ждала почти месяц. Катина мама была портнихой, и Ира в страшной тайне шила у нее брюки, надевать которые в ту пору осмеливались только самые дерзкие ниспровергательницы основ. У самой Кати брюки уже были, но выходить в них в одиночку она боялась. В глазах обывателей брюки на женщине ясно указывали на порочный образ жизни их владелицы. Первомайские вечерние гулянья в Летнем саду были выбраны для брючного дебюта, во-первых, из-за многолюдности, в которой легко можно затеряться, а во-вторых, из-за праздничной легкомысленности фланирующей публики.

Жили Катя с матерью в коммуналке на окраине. Тесная комната с непропорционально высоким потолком была разгорожена поперек шкафом, за которым стояли ножная швейная машинка и манекен. Настенное зеркало дополняло необходимый портновский набор. На отсутствие клиентов Катина мать не жаловалась. Была она высока, стройна, всегда тщательно одета, причесана и являла собой лучшую рекламу собственных услуг.

Девушки надели брюки. Наверное, то же чувство испытала андерсеновская Русалочка, глядя на превращение своего хвоста в ноги. Чувство было волнующим. Тот факт, что на школьной физкультуре все ходили в спортивных штанах, а на занятиях по легкой атлетике так и вообще в трусах, ничего не менял. То физкультура, а то — брюки.

Брюки были из тонкой темной шерсти, широкие, почти мужского покроя, но это были явственно женские брюки. «Если держать ноги вместе, то похоже на длинную юбку», — мелькнула у Иры трусливая мыслишка. Она повернулась боком к зеркалу, потом попыталась посмотреть на себя сзади. Да, сзади сомнений в том, что это не юбка, не оставалось. Подруги взглянули друг на друга, и Ира нервно сглотнула.

Волновалась и Катина мать. Она-то лучше всех понимала, что такое быть одетой в брюки. Мода тут ни при чем.

— Долго не гуляйте только, — напутствовала она ниспровергательниц.

Пока шли до центра города, прохожие, как и надеялись, почти не попадались. Но и в Летнем саду расчеты оправдались — девушки сразу слились с гуляющей толпой, и никто не обращал на них внимания. Подруги расслабились. Взгляд стал увереннее, спина прямее, а шаг... Шаг стал широким, свободным. Современным.

Идти в брюках — это вам не в юбке, мужчинам не понять, если они не какие-нибудь там шотландцы, а кто этих шотландцев видел? Придумывают, небось, что есть мужчины, которые носят юбки.

Они шли по главной аллее к фонтану, туда, где играл духовой оркестр. Вальс летел им навстречу, и шаги становились все ритмичнее, и подруги смеялись, искоса поглядывая друг на дружку, готовые сорваться в танец...

— Ой, — басом сказала вдруг Катя.

Ира сказала бы это «ой» раньше, если бы могла, но у нее перехватило дыхание. По спине немедленно заструился противный ручеек. Навстречу шли отец с матерью под руку.

«С берёз, неслышен, невесом, слетает жёлтый лист», — подпевали вокруг, и ноги

преступницы по инерции продолжали двигаться в такт, а полные ужаса глаза не могли оторваться от отцовского лица.

Они же собирались домой!.. Сказали, что гулять не пойдут!.. Мысли метались в голове, как ошалевшие ласточки.

Две пары поравнялись и разошлись в разные стороны. Отец не сказал ни слова.

Ира рухнула на скамейку и разрыдалась.

— Ну, может, обойдется, Ир! Он же не сказал ничего... И потом, это ж на свои деньги! Это ж с твоей зарплаты!

Утешая подругу, Катя впервые подумала о плюсах безотцовщины.

— Обидел кто, девчонки? — сунулись два красавца-десантника.

— Да идите вы, идите, — замахала она руками. — Ир, ну не плачь ты, ну люди же смотрят!

Но Ира только глухо подвывала, прижимаясь носом к зеленому, еще пахнущим краской рейкам сиденья.

Пока возвращались к Кате, чтобы оставить там злополучные брюки, пока Ира снова шла в центр к своему дому, уже стемнело. Но она знала, что дома ее ждут и будут ждать, пока не придет. Она шла уже без слез — все было выплакано в Летнем саду, и отстраненно думала о том, что на плачущую девушку люди обращали внимания куда больше, чем на девушку в брюках. Но это ничего, ничего не меняло.

На свой второй этаж поднялась, как на эшафот. Открыла дверь. Включила свет.

В дальнем конце коридора в ту же минуту возник отец с ремнем в руке. Так и ждал с ремнем, что ли, или на видное место положил, чтобы схватить, как дверь откроется?

— Пришла, лахудра!.. Ты что же, паскуда, меня перед всем городом позоришь? Я боевой командир, а дочь проституткой вырядилась!.. — Тут он задохнулся и с шумом втянул в себя воздух. — А ну, подошла ко мне!..

Солдаты падали, наверное, от такого голоса.

Дочь не сделала ни шагу, но отец был уже рядом. Ремень рассек воздух. Инстинктивно она зажмурилась, и страшный удар потряс ни в чем не повинный гардероб, возле которого она стояла. Эхом задребезжали в серванте трофейные чашки. Промохнулся...

— Андрюша, ну побойся Бога! — выбежавшая следом из кухни мать хватала отца за руки. — Это же дочь твоя!

— Какого тебе еще Бога? Шалава она, и подружка ее шалава! Чтоб я тебя больше с ней не видел, слышишь? Слышишь, я тебя спрашиваю?

Он схватил ее за плечо и толкнул в сторону их с сестрой комнаты. Ира не оборачиваясь быстро вошла и закрыла за собой дверь.

На кровати сидела Римка.

— Больно? — спросила она, с жадным интересом оглядывая сестру.

— Нет. Промохнулся.

Римка понизила голос:

— А где они? Ну, брюки?

— У Кати.

— Красивые?

— ...Не знаю.

— Какого хоть цвета?

Но отвечать у Иры не было сил. Она легла лицом в подушку.

Было слышно, как мать на кухне успокаивала отца, а тот все рокотал своим командирским голосом.

— Мы — Герасимовы! У нас такого паскудства быть не должно!.. Какая она тебе взрослая?.. Вон пусть на Дальний Восток катится и там хоть в штанах, хоть без штанов по улицам шляется... Да что ты ко мне со своим огурчиком лезешь!

Что-то зазвенело — отец, видать, в ярости смахнул со стола, что попало под руку.

Утром Ира неслышно подошла к гардеробу. След от солдатской пряжки был отчетливо виден, хотя мать его уже чем-то подмазала, карандашом, что ли. Она была аккуратистка. Идеальная хозяйка.

Через три месяца серебрильщица 4-го разряда Ираида Герасимова с ножницами в руке стояла в туалете ленинградского поезда и смотрела в замызганное зеркало. «То тут, то там, то тут, то там», — стучали колеса. Вагон шатало. Она плотно прижалась боком к стене, закусил губу, подняла одну косу и двумя движениями отстригла ее у самой шеи. Потом нажала на педаль спуска воды — в сливном отверстии замелькало железнодорожное полотно. Она бросила в дыру косу. Через несколько секунд за первой полетела вторая. Ираида растрепала короткие волосы и мстительно сказала зеркалу, глядя в его серые, совершенно отцовские глаза:

— Хрен тебе на филфак. На юридический поступать буду.

— Приехала? — глаза подполковника Герасимова так и не открывались до конца, и майор милиции Ираида Герасимова не могла понять, видит он ее или нет.

— Это я, папа... Ира.

Так же, почти неслышно и монотонно, но в то же время четко отец проговорил:

— Арсеньевы мы. Запомни, Арсеньевы. Не Герасимовы.

Фраза была словно заготовлена заранее, как будто он беспрерывно повторял ее про себя, чтобы, когда понадобится, проговорить без запинки. В детстве Ираида так ходила в магазин, с заклинанием вроде «батон-и-двести-масла, батон-и-двести-масла».

Она придвинулась ближе.

— Папа...

— Не сирота я... Из раскулаченных... из врагов народа... А я в городе тогда учился... музыке учился, голос... у меня был. Отец знал, что придут к нам... с верным человеком передал мне документ. Сказал, те Герасимовы все умерли... голод... искать не будут. Беги, скажешься сиротой, и потом в армию. Там не найдут... И не пой, а то узнают по голосу... Да... Меня ведь знали, знали меня... А их, как врагов народа... Всех.

Отец открыл глаза и посмотрел сквозь нее, куда-то в прошедшее время.

— Я в опере петь хотел. Голос был... Я Арсеньев. Мы Арсеньевы, запомни. Не Герасимовы.

Потрясенная Ираида не замечала, что сжимает в комок край простыни.

— Папа... А мама — знала?

— Никто не знал. Только тебе... И не надо никому... Мало ли... Пить дай.

Трясущимися руками Ираида приложила поилку с кофе к его губам. Отец сделал плоток, и губы его раздвинулись в гримасе:

— А ведь не нашли меня... Не нашли они меня!..

И он задыхался с усилием, закашлялся, и Ираида поняла, что это не кашель, а торжествующий смех.

Рассказ, видно, отнял у отца последние силы. Он снова закрыл глаза и прошелестел:

— Ты иди пока, дочка. Ты хорошая девочка.

Но она не двигалась. Она всматривалась в лежащее на желтой подушке желтое лицо, которое прямо на глазах теряло так свойственное ему напряжение. Арсеньевы мы, не Герасимовы, слышались неслышные слова. Взгляд ее упал на календарь на стене. Число было неверным — уже несколько дней листки не отрывали, но год был правильный, 1983. Он показывал пятьдесят пять лет молчания.

Ираида вышла в коридор и уперлась лбом в гардероб. Такие шкафы давным-давно не делают. Мамонты эпохи уважения к мебельному ремеслу. Вот здесь стояла она двадцать пять лет назад, и отец замахивался на нее ремнем с тяжелой пряжкой. Где-то должна быть и отметина. Эта, что ли? Или рядом? От времени шкаф потемнел,

из когда-то медового стал грязно-коричневым, прибавилось и царапин. А удар-то был таким, что, если бы отец попал... Но он не попал. Промахнулся.

Внезапно она со всей отчетливостью поняла, что промахнуться было невозможно. Он и не хотел попасть. Герасимов должен был ударить, а Арсеньев должен был не попасть. Ираида села на какую-то сваленную в кучу обувь, прижалась щекой к гардеробу. Все, все разрозненные эпизоды в ее памяти стягивались в одну грандиозную мозаику, каждый находил свое место, каждый получал объяснение. Все было теперь пронизано стройной логикой, и она, так любившая порядок, засмеялась бы от радости понимания, если бы из глаз не текли слезы.

Отец, отец!.. Герасимов пил и бил, а Арсеньев давал дочерям непростые имена и заставлял играть сонаты Бетховена. Герасимов отправил ее работать в цех, а Арсеньев хотел, чтобы она училась в университете. Герасимов летними вечерами забивал козла с пенсионерами, а Арсеньев не пропускал оперные спектакли по радио, и это всегда вызывало у Ираиды легкое презрение: ей казались смешными эти потуги выглядеть поинтеллигентнее...

А мама — за кем она была замужем? Чувствовала ли она эту двойственность? Ираида снова тихо вошла в комнату. Отец дремал. Она тенью прошла мимо, села прямо на вытертый ковер рядом с сервантом. За стеклом в рамочке улыбались с фотопортрета образцовый офицер и статная черноволосая красавица, а за ними по бокам стояли две девушки с косами. Улыбались скромно, как было принято в те годы, но с чувством собственного достоинства, и только сейчас Ираида заметила, что мать и дочери смотрят прямо в объектив, а взгляд отца неуловимо направлен куда-то в сторону.

Мысли исчезли. За ними исчезло и время. В солнечных лучах по комнате бесцельно кружился тополиный пух.

Деликатно зашуршало у двери, и в щелку заглянула Клава. Ираида встрепенулась.

— Тише! Папа задремал.

Соседка почему-то открыла дверь шире и бросила на постель опытный взгляд.

— Да куда ж... Отмучился Андрей Тимофеич, отстрадался. Царствие Небесное.

Она мелко закрестилась, подходя ближе, зашептала что-то и потянула вверх край одеяла.

— Подождите.

Ираида отогнула одеяло и долго смотрела в спокойное незнакомое лицо человека по фамилии Арсеньев.

На поминки собрались соседи. Распорядилась всем Римма с очередным кавалером. Тайное движение новостей позволило ей вовремя прибыть на кладбище, и теперь она на правах хозяйки рассаживала всех за круглым кухонным столом, раскладывала салаты, расставляла рюмки.

Клава отвела Ираиду в сторону.

— Вы бы сервиз-то Людмилы Ивановны взяли... А то ведь начнут ходить, растащат. Вещи хорошие, немецкие.

— Возьмите себе что хотите, Клава. На память. Не забывайте... Герасимовых. И Римме помогите, если что.

За окном поезда зеленой лентой летел лес. Удивительно, как всего за три дня меняется картина весны! Ираида выхватывала взглядом белые пушистые островки черемухи и улыбалась неизвестно чему. Поезд катил на восток, и страна неудержимо катилась к новым временам, о которых еще никто ничего не знал, кроме того, что они обязательно, обязательно наступят.